Признаться, я ждал появления этой передачи на телевизионном экране, хотя и не знал, что она уже готовится и что ее автором и исполнителем будет Игорь Ильинский.

Ждал потому, что понимал: телевизор не может пройти мимо Зощенко-рассказчика. Не только потому, что интерес к его замечательному творчеству у читателей в последнее время сильно вырос, и даже не потому, что в этом году исполнится 80 лет со дня рождения выдающегося советского писателя-юмориста, а по другой, более основательной причине.

Эмоциональная комическая выразительность и своеобразие художественных средств Зощенко по самой своей природе глубоко телевизионны. У Зощенко — своя интимная манера повествования, он буквально с первой же фразы рассказа устанавливает контакт с читателем (а во многих рассказах и со слушателем), обращаясь к нему за просто, «по-свойски». Этот литературный прием позволял Зощенко обманывать иных «простанов», и они смеялись, читая его рассказы, не понимая, что автор смеется над многоликим мещанством, к которому эти «простакки» имели сомнительную честь принадлежать. Даже литературная критика не сразу разгадала этот тонкий ход писателя, и были критики, которые сурово журили и «прорабатывали» Зощенко за грубость его лексики — они отождествляли писателя с его «лицереским героем».

Крупные планы телеэкрана, возможность интимного общения с миллионами зрителей и слушателей (они персонафицируются у талантливого телеартиста как бы в одном, с которым он, артист, и разговаривает «по душам») показали нам Михаила Зощенко поновому.

Закономерно, что это сделал именно Игорь Владимирович Ильинский, выдающийся

мастер сцены, экрана и эстрады. Он должен был это сделать, потому что был другом покойного писателя — во-первых, и его, с моей точки зрения, лучшим исполнителем и толкователем (хотя рассказы Зощенко читали такие талантливые, яркие артисты, как Хенкин, Абдулов и Яхонтов) — во-вторых, Иль-

не происходит лишь у таких чтецов, которые «являются плохими актерами», чье «переволочение» нинкуда не годно».

Что касается самого Ильинского, то тот, кто видел передачу по телевизору рассказов Зощенко, должен согласиться со мной, что видел чудо актерского перевоплощения, в особенности, когда Игорь Ильинский исполнял детские рассказы писателя. Нельзя забыть глаза Ильинского, нельзя постигнуть, как в этих мудрых, чуть усталых глазах пожилого седого человека возникает милый, веселый и озорной свет младенчества. И все это по великим для всякого истинного искусства законам «чуть-чуть».

С таким же блеском Ильинский исполнил и другие шедевры комической прозы М. Зощенко: «Аристократку», «Искусство Мельпомены», «Баню», «Лимонад», «Рогульку» (прелестный рассказ, написанный Зощенко в дни войны с фашизмом).

Ильинский очень интересно и душевно говорил о своих встречах с Михаилом Михайловичем Зощенко, высказывал глубокие и очень точные мысли о его творчестве. Я хорошо знал Зощенко, дружил с ним и готов обеими руками подписаться под тем, что сказал о нем с экрана телевизора Игорь Владимирович. В особенности близка мне мысль, высказанная артистом, о духовной близости Маяковского и Зощенко. Да, их объединяла непримиримая, не на живот, а на смерть, ненависть к мещанству, с его приспособленчеством, с его неуемной жаждой накопительства, с поразительной способностью к мимикрии и адаптации. Только Маяковский громыхал против мещанства басом своей сатиры, а Зощенко поражал его презрительной, меткой, «тихой» насмешкой. Но ведь и пушка, и пистолет принадлежат к одному виду оружия — к огнестрельному!

Леонид ЛЕНЧ

ИЛЬИНСКИЙ ЧИТАЕТ ЗОЩЕНКО

инский проник в «тайное тайных» писательской души Зощенко.

В своей книге «Сам о себе» (кстати сказать — отличной) Игорь Ильинский так определяет свою манеру:

«Я принадлежал с самого начала серьезного увлечения художественным чтением к тем чтецам, которые пользуются всеми средствами актера на концертной эстраде и не уподобляются громкоговорителю или читающему вслух диктору».

Ильинский ратует далее за то, чтобы чтец изображал «характеры действующих лиц», и даже замечает, что «издержки производства» в этом пла-